

С. Апт о себе и других
Другие — о С. Апте

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 80/81
ББК 83
А 76

Издание осуществлено при финансовой поддержке Института им. Гёте (Москва)
и Австрийского культурного форума (Москва),
а также благодаря участию
доктора наук, профессора *Дирка Кемпера*
и доктора наук, профессора *Нины Павловой*

С о с т а в и т е л ь: *Екатерина Старикова*
Р е д а к т о р: *Лариса Казарьян*

*Семья С. К. Апта выражает глубочайшую признательность
всем авторам, принявшим участие в сборнике*

А 76 С. Апт о себе и других. Другие — о С. Апте: Сб. воспо-
минаний, статей, интервью / Сост. Е. Старикова. — М.: Языки
славянской культуры. — 256 с.: ил. — *(Вклейка в конце книги.)*

ISBN 978-5-9551-0488-1

Книга посвящена памяти выдающегося переводчика Соломона Константиновича Апта (1921—2010). Благодаря его таланту русский читатель открыл для себя тетralогию Томаса Манна «Иосиф и его братья», «Игру в бисер» и «Степного волка» Германа Гессе, Франца Кафку, Роберта Музиля и Элиаса Канетти. Начав свою деятельность с переводов античной литературы, С. К. Апт дал возможность современникам прочесть по-новому таких авторов, как Эсхил, Аристофан, Платон.

В издание входят очерки самого переводчика о людях, которых он знал, воспоминания о нем, беседы журналистов с С. К. Аптом в последние годы его жизни, статьи о его работе. Надеемся, что сплав многих жанров позволит создать представление о личности и жизни переводчика.

ББК 83

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0488-1

© Е. В. Старикова, 2011
© Языки славянской культуры, 2011

Памяти С. К. Апта

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сергей Бочаров.</i> Мир С. К. Апта	7
<i>Соломон Апт.</i> Классическая филология	10
<i>Соломон Апт.</i> Черным по белому	39
<i>Соломон Апт.</i> Годовая стрелка. О Борисе Слуцком	49
<i>Наталья Громова.</i> Запись видеointервью с С. К. Аптом 27 сентября 2009 года	68
<i>Екатерина Старикова.</i> Некоторые подробности из частной жизни С. К. Апта	91
<i>Борис Рунин.</i> Из «Записок случайно уцелевшего»	132
<i>Григорий Дашевский.</i> Покой абсолюта	135
Письмо Виктора Шкловского	137
Письмо Эрики Манн	139
<i>Борис Сучков.</i> Новые члены Союза писателей	140
Письмо Петра Мамрадзе	142
<i>Анна Шибарова.</i> «Не счетом, а весом...»	144
<i>Елена Калашикова.</i> «Переводить текст близкого тебе писателя все равно что говорить с хорошо знакомым человеком»	160
Письма Михаила Гаспарова	174
<i>Виктор Топоров.</i> Мертвая зона	180
<i>Андрей Анпилов.</i> Кроткая сила вещей	189
<i>М. Рудницкий.</i> «Чудесные случаи претворения...»	192
<i>Любовь Сумм.</i> «Если по сердцу тебе имя»: переводы Эсхила . .	200

<i>Анка Максайн, Кристина Нисмак. Соломон Апт:</i>	
«Мною движет восхищение»	213
<i>Александр Иличевский. Возможная невозможность перевода . .</i>	219
<i>Из письма Геннадия Трифонова Е. В. Стариковой</i>	221
<i>Мария Терещенко. «Теории перевода — это от лукавого»</i>	222
<i>Эмиль Казанджан. Наш общий друг —</i>	
<i>переводчик С. К. Апт</i>	230
<i>Санджар Янышев. «К счастью, случился юбилей</i>	
<i>Аристофана»</i>	233
<i>Ольга Канунникова. «Я сам рассмешиваться рад...»</i>	240
<i>Борис Хлебников. Вспоминая о Соломоне Апте</i>	248
<i>Список литературных работ С. К. Апта</i>	250

СЕРГЕЙ БОЧАРОВ

МИР С. К. АПТА

С Соломоном Константиновичем я не был знаком, но читаю его полвека. Я читаю Томаса Манна, Гессе и Музиля, которых он нам подарил, но я читаю Апта. И теперь, когда мы его вспоминаем, хочу отдать себе отчет в том, что он нам оставил и словно собрал под скромным именем переводчика — собрал для нас по-русски — целый мир немецкой классической прозы XX века, отборную, лучшую его часть. Мне кажется, я могу оценить и личные основания этого отбора и даже почувствовать единый авторский почерк переводчика.

Начиналось это в 1960-е с десяти томного русского Томаса Манна. Мы тогда читали его целиком, том за томом, и два последние тома манновских мыслей тоже насквозь: за «Доктором Фаустусом» следом «Историю “Доктора Фаустуса”. Роман одного романа». Помню, в этом последнем на меня произвело впечатление сообщение автора, что он начал писать «Доктора Фаустуса» в тот же день, что и принял за работу внутри романа его рассказчик Цейтблом. Этой общей датой Манн отождествился с рассказчиком и обрел возможность строить повествование в двух временах — о котором (до 1940 года) и в котором (1943—1945) рассказывает. А в «Романе романа» (1949) он присоединяет к ним свое настоящее, третье время, где фоном повествования служит совершающаяся большая история: падение гитлеровской Германии и завершение мировой катастрофы, и пишется это уже с мыслью о национальном и европейском будущем.

«Доктор Фаустус», «Иосиф и его братья», «Игра в бисер», «Человек без свойств» — вот мир одного переводчика для рус-

ского читателя, для меня. Все это крупные вещи, и удивительно узнать, озаботившись сравнительной хронологией, что они возникли за какие-то двадцать лет немецкоязычной литературы в острейший для страны период (с середины 1920-х до середины 1940-х). Основным своим делом переводчик избрал литературу этого времени, он хотел передать его нерв. Перевод — переход через бездну, переводчик — проводник, как Вергилий при Данте — такова философия перевода Владимира Николаевича Топорова, философия, позволяющая оценить дело С. К. Апта в русской культуре.

Мир Апта — авторский мир, чье единство не только единство эпохи, которую переводчик сделал своей, как через бездну, перевел нас в нее. Это и сложное единство поэтическое, языковое, стилистическое, в котором постоянно надо ориентироваться. В том числе в тонком напластовании времен — оно у Апта всюду, не только в «Фаустусе». Как слоится библейская история в «Иосифе», временные слои один в другом отражаются, повторяются и предсказываются один в другом. За Иосифом и его братьями просвечивают не только история Иакова, но и жертвоприношение Авраама, и первоначальный райский сюжет. «Игра в бисер» совершается в утопическом будущем, но за гибелью Иозефа Кнехта следует параллельное жизнеописание его прообраза, тоже Кнехта, в доисторическом прошлом. Многослойный параллелизм — он всюду. «Игра в бисер» — утопия, обращавшая наши взоры тогда, когда мы читали, в наши 1970-е, в сторону набиравшего силу структурализма.

Но утопия и огромная конструкция Музиля, где утопический замысел записан прямо в заглавии. Парадокс заглавия побуждает над ним задуматься и принять утопическую идею человека без свойств. Вкус к утопическому сюжету соединяется в этом авторском мире с особым вниманием к повторениям человеческих существований и исторических положений, к самому состоянию повторения, со вкусом к круговоротам времен, а также с любовью к проникающей жизнь музыкальности, к самой музыке как уни-

версальной стихии. Таких описаний музыкального произведения литературным словом, как описание леверкюновского плача-кантаты, я больше в литературе не знаю.

«Для художника мысль как таковая никогда не является самодовлеющей ценностью и собственностью. Ему важна только ее действенность в интеллектуальном механизме произведения». Это вновь из «Романа одного романа» в переводе С. К. Апта. Кажется, эта мысль художника стала и убеждением переводчика.

Соломон Апт

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

С отделением классической филологии МГУ моя жизнь была связана целых семь лет. Я говорю «целых», хотя сегодня, через полвека с хвостиком, этот срок не кажется мне таким уж большим. Но, мысленно переносясь в те годы, я вижу себя то студентом, то аспирантом, — теперь эта разница совершенно не важна, важно, что молодым человеком, — а в молодости не то что год, а какая-то одна зима, какое-то одно лето — уже эпоха.

Я и сейчас могу представить себе лица и голоса многих педагогов и служащих филологического факультета той поры, всего факультета, не только своей кафедры. Могу описать узкие, темноватые коридоры старого здания на Моховой, холодные, то и дело перегораживаемые фанерными стенками комнаты, мысленно увидеть и услышать покрикивающего визгливым фальцетом, но в общем-то симпатичного замдекана А. К. Петрова, двух секретарш — спокойную и доброжелательную Серафиму Ивановну и резковатую, властную Татьяну Никандровну, скромнейшего кассира Алексея Ивановича, прилепившего однажды к окошку своей конурки листок с незабываемым оповещением: «Ушел в банк. А когда вернусь?» И ходивших по этим коридорам знаменитых профессоров — величественного Виноградова, не расстающегося с тубетейкой Благого, энергичного, подвижного Гудзия, медлительного Леонида Гроссмана.

Этих людей знали в лицо, наверное, все, кто учился на филологическом факультете в одно время со мной. Из «классиков» же популярнее остальных был, несомненно, Сергей Иванович Радциг.